

Амфитеатров Александр Валентинович

Грезы и тени
(Книга легенд)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Грезы и тени: (Книга легенд) / Амфитеатров Александр Валентинович – М.: Книга по Требованию, 2021. – 70 с.

ISBN 978-5-458-12827-8

ISBN 978-5-458-12827-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бивали камнями. Фанатики клятвенно увѣряли, будто антихристъ не только родился, но и воцарился и сидитъ на римскомъ престолѣ подъ видомъ папы-безбожника, ученаго чернокнижника Герберта — Сильвестра.

Въ такое-то время случилось на дикомъ горномъ пустырьѣ, недалекѣ отъ города Пизы, странное происшествіе, записанное въ монастырскихъ меморіалахъ подъ названіемъ: "Дивныя и пречудныя приключенія Николая Флореаса, уроженца славнаго города Камайоре, оружейныхъ дѣлъ мастера и нѣкогда добраго хрстіанина".

Николай Флореасъ былъ молодъ и красивъ собою. Оружейное ремесло закалило его силы, развило ловкость; частое общеніе съ людьми благороднаго происхожденія усвоило Флореасу привычки, видъ и обращеніе его знатныхъ заказчиковъ и покупателей. Женщины говорили, что нѣтъ въ Камайоре мужчины, болѣе достойнаго любви, чѣмъ Николай Флореасъ, даже и между рыцарями герцогскаго двора. Если бы Флореасъ жилъ во Флоренціи, Пизѣ или Сьеннѣ, онъ, но талантамъ своимъ, навѣрное сдѣлался бы однимъ изъ народныхъ вождей, какихъ такъ много создавали гражданскія междоусобія средневѣковой Италіи. Они выходили изъ низшихъ общественныхъ слоевъ, какъ Сфорца и Медичи, чтобы потомъ лѣтъ на пятьсотъ протянуть свою родословную, полную блистательныхъ именъ и громкихъ подвиговъ. Но Николай Флореасъ былъ обывателемъ Камайоре, глухаго горнаго городка, гдѣ горожане жили мирно, не дѣлясь на политическія партіи. Сверхъ того, онъ былъ, человекъ скромный, хотя рѣшительный и способный. Какъ большинство оружейниковъ, онъ зналъ грамоту. Онъ сочинялъ сонеты и игралъ на лютнѣ.

Въ одинъ лѣтній день Николай Флореасъ окончилъ кольчатую броню, заказанную ему начальникомъ наемниковъ пизанской цитадели, длинноусымъ норманомъ Гвальтье. Взваливъ свою ношу на осла, мастеръ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ подмастерьевъ, направился изъ Камайоре горами въ Пизу. Лѣтняя ночь застала Флореаса въ дорогѣ. Она упала сразу, черная и глухая; на аспидномъ небѣ зажглись громадныя звѣзды и огненный столпъ кометы. Напрасно было бы въ то дикое, разбойничье время трубить ночью у воротъ какого-либо городка или замка. Отвѣтомъ пришельцу свистнула бы туча стрѣлъ, — и только. Средневѣковое гостепріимство кончалось съ закатомъ солнца. Пришлецъ былъ другомъ, когда приходилъ при солнечномъ сіяніи, и врагомъ послѣ того, какъ замыкались рогатки, и поднимались мосты со рвовъ, наполненныхъ водою. Флореасъ и его спутники заночевали наперепутьи, у костра, разложеннаго у ногъ каменной Мадонны. Боясь ночнаго нападенія, путники рѣшили спать по очереди. Двое, по жребію, спали съ оружіемъ въ рукахъ, а одинъ бодрствовалъ на стражѣ. Первый жребій не спать выпалъ самому Флореасу.

Прислонясь къ обломку скалы, онъ безопасно наблюдалъ медленный токъ свѣтилъ по небеснымъ кругамъ. Пламя костра играло на его лицѣ красными лучами. Развѣюченный осель бродилъ, не отходя далеко отъ стана, на подножномъ корму. Флореасъ слушалъ звуки горной ночи. Имъ овладѣло трогательное настроеніе, въ какое повергаетъ всѣхъ впечатлительныхъ людей торжественная тишь спящей пустыни. Но вотъ внезапно среди величественнаго безмолвія раздался странный звукъ. Словно кто нибудь коротко взялъ аккордъ на церковномъ органѣ, — взялъ и бросилъ. Звукъ рванулся въ воздухъ и сейчасъ же заглохъ. Точно кто-то зарыдалъ было, но, устыдившись своей слабости, задавилъ рыданіе. Николай Флореасъ осмотрѣлся. Онъ не понималъ, ни что это за звукъ, ни откуда онъ прилетѣлъ. Такъ какъ звукъ не повторялся, Флореасъ рѣшилъ, что, вѣроятно, онъ задремалъ, и, въ дремѣ, обманутыя чувства создали изъ обычныхъ звуковъ ночи этотъ загадочный аккордъ. Но, когда онъ, совсѣмъ успокоенный, опять прилегъ къ костру, звукъ снова задрожалъ въ воздухъ и — уже яснѣе и болѣе продолжительно, чѣмъ въ первый разъ: какъ будто сразу запѣло нѣсколько арфъ подъ перстами иску-

ныхъ трубадуровъ. Флореасъ вскочилъ въ волненіи. Онъ зналъ, что по близости нѣтъ ни одного значительнаго селенія, откуда могъ бы примчаться таинственный звукъ. Трудно было предположить, чтобы по сосѣдству ночевалъ путевой караванъ какого либо синьора со свитою и челядью, среди которой могли случиться игроки на арфѣ. Ночлегъ Флореаса былъ расположенъ на высотѣ холма: окрестности были видны на далекое пространство, но хоть бы гдѣ нибудь костру оружейника отвѣтилъ другой костеръ. Флореасъ съ легкой дрожью подумалъ единственное, что ему и оставалось подумать: что онъ слышалъ звуки нездѣшняго міра. Какъ человекъ набожный и мужественный, онъ не потерялся, а разбудилъ своихъ спутниковъ и рассказалъ, что съ нимъ было. Они не повѣрили.

— Просто ты спалъ, мастеръ, и тебѣ показалось это во снѣ, — сказали они.

Но звукъ снова налетѣлъ изъ безвѣстной дали, какъ волна, и такъ же быстро, какъ волна о песокъ, разбился и растаялъ въ воздухѣ.

— Это скалы поютъ, — въ испугѣ сказалъ одинъ подмастерье.

— Или дьяволъ справляетъ свою свадьбу, — крестясь прибавилъ второй.

— Друзья мои, — сказалъ Флореасъ, — все это можетъ быть; но я не буду спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не узнаю, откуда эти звуки и зачѣмъ они. Поэтому пойдемъ въ ту сторону, откуда они звенятъ...

Но подмастерья наотрѣзъ отказались.

— Если намъ судьба попасть въ когти дьявола, — говорили они, — то успѣемъ еще попасть послѣ смерти, а зачѣмъ будемъ лѣзть къ нему живьемъ?

— Тогда я пойду одинъ, — сказалъ Флореасъ, потому что мое желаніе узнать тайну сильнѣе меня, и я не могу быть спокоенъ, пока ея не разрѣшу. Ждите же на этомъ мѣстѣ моего возвращенія, а я пойду, куда зоветъ меня музыка. Подмастерья пришли въ ужасъ и умоляли Флореаса не подвергать себя опасностямъ ночнаго пути невѣсть куда и зачѣмъ, но онъ остался непреклоннымъ. Тогда они пытались удержать его силой. Но Николай Флореасъ обнажилъ кинжалъ и грозилъ поразить перваго, кто осмѣлится до него коснуться. Подмастерья въ страхѣ отступили; онъ же воспользовался ихъ замѣшательствомъ, чтобы исчезнуть въ темнотѣ ночи.

Флореасъ долго блуждалъ во мракѣ по пустымъ равнинамъ и неглубокимъ оврагамъ. На небо взбѣжали тучи. И комета, и звѣзды измѣнили Флореасу. Онъ шелъ, самъ не зная, куда идетъ: на сѣверъ, на западъ или на югъ, такъ что, если бы онъ и хотѣлъ вернуться къ своимъ подмастерьямъ, то уже не могъ бы. Притомъ всякій разъ, какъ только мысль о возвращеніи приходила въ голову Флореаса, таинственный звукъ, непостижимо призвавшій его къ странствованію, снова звучалъ съ такою силою страсти и страданія, какъ будто все хрустальное небо разрушалось, со звономъ разсыпая осколки на грудь матери земли. Наконецъ Флореасъ замѣтилъ вдали мерцаніе красной точки — далекаго костра или окна въ хижинѣ.

— Я пойду на этотъ свѣтъ, — подумалъ Флореасъ, я достаточно сдѣлалъ, чтобы удовлетворить своему желанію; но тайна упорно не дается мнѣ въ руки, и я не въ силахъ бороться съ невозможнымъ — долженъ возвратиться. Если это мои спутники, тѣмъ лучше; если нѣтъ, то авось эти люди не откажутъ мнѣ въ ночлегѣ и укажутъ дорогу въ Пизу...

Онъ шелъ на огонь до тѣхъ поръ, пока нога его не оступилась съ ровной почвы въ провалъ; путникъ едва успѣлъ откинуться назадъ, чтобы не сорваться въ глубь пропасти. Онъ усѣлся на краю

обрыва, едва не втянувшаго его въ свои нѣдра, и сталъ ждать разсвѣта. Безцѣльно глядя предъ собой, Флореасъ замѣтилъ, что огонекъ, на который онъ шелъ, какъ будто растетъ силою пламени, дробится на многія свѣтящіяся точки... Флореасъ не могъ дать

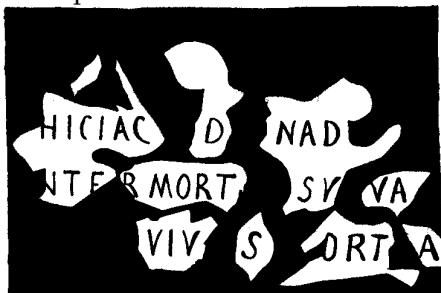
себѣ отчета, что это за огни. Не можетъ быть, чтобы Пиза! Но, — если нѣтъ — куда же онъ попать? Видно было, что подѣ нимъ въ глубокой котловинѣ лежитъ большой городъ... Выступили изъ мрака очертанія горныхъ вершинъ; востокъ поблѣлѣлъ; огромная голубая звѣзда проплыла на горизонтѣ и растаяла въ потокѣ румянаго свѣта. Три широкихъ блѣлыхъ луча, разбѣгаясь, какъ спицы колеса, высоко брызнули изъ-за горъ въ просторъ неба... Птицы пустыни тысячами голосовъ привѣтствовали утро; пестрыя ящерицы проворно скользили по сѣрымъ камнямъ, въ радостной жаждѣ солнечнаго тепла.

Внизу, въ долину еще клубился туманъ. Но такъ какъ Флореасъ зналъ, что подѣ его блѣлымъ покровомъ спитъ какое-то жильѣ, то рѣшилъ спуститься.

Онъ увидѣлъ тропинку-лѣстницу, вырубленную въ скалѣ... Давно никто не ходилъ по ней: растреснутыя иззубренныя временемъ ступеньки поросли репейникомъ и мареною; длинные ужи, шипя, уползали изъ-подъ ногъ Флореаса; онъ раздавилъ своимъ кованымъ сапогомъ не одну семью скорпионовъ.

Солнце встало надъ горами; туманъ растаялъ. Флореасъ одиноко стоялъ среди желтой песчаной лощины, сдавленной зелеными горами, и удивлялся: не только города, ни одной хижины не было поблизости... Вѣтеръ уныло качалъ высокія сорныя травы... Песокъ блестѣлъ подѣ солнцемъ... Сѣрѣло ложе широкой, но совершенно высохшей отъ лѣтняго зноя рѣки... Вотъ и все.

Въ досадѣ разочарованія бродилъ Флореасъ по лоцинѣ. Онъ чувствовалъ себя страшно усталымъ: о возвращеніи нечего было и думать. Изъ шнурка, стягивавшаго сборки его кафтана, онъ сдѣлалъ пращу и, набравъ гладкихъ голышей, убилъ ими съ дюжину мелкихъ пташекъ пустыни. Обѣдъ его былъ обезпеченъ. Надо было найти воды. Она журчала неподалеку. Флореасъ пошелъ на звукъ... Ручей текъ обильною волною изъ-подъ низко нависшихъ орѣховыхъ кустовъ. Флореасу показалось страннымъ правильное ложе потока. Нагнувшись къ водѣ, онъ увидалъ, что когда-то ручей былъ заключенъ въ мраморныя плиты: желтоватый гладкій камень еще проглядывалъ кое-гдѣ сквозь густой мохъ, темнымъ бархатомъ облѣпившій дно и стѣнки источника. Раздвигая цѣпкія вѣтви орѣшника, Флореасъ пошелъ вверхъ по теченію и скоро добрался до обширной лѣсной поляны. На ней въ безпорядкѣ громоздились сѣрые громадные камни. Флореасъ узнавалъ ступени, обломки карнизовъ; толстая колонна съ отбитою капителю лежала поперекъ дороги... Посрединѣ поляны возвышалась груда камней въ подраста человѣческаго, похожая и на очагъ, и на надгробный памятникъ. Осколки мраморнаго щебня валялись кругомъ. Ручей текъ прямо изъ-подъ этой груды, которая, какъ и его русло, была когда-то обдѣлана въ мраморъ. Еще виднѣлись кое-гдѣ слѣды обшивки, испещренной бурными буквами давно разрушенной и утратившей смыслъ надписи. Флореасъ прочиталъ:

Оружейникъ оглядѣлъ мѣстность и подумалъ, что расположиться для обѣда здѣсь, на полянѣ, между зелеными стѣнами узкаго ущелья, пріятнѣе, чѣмъ въ песчаной пустынѣ, только-что имъ оставленной. Онъ устроилъ костеръ на древнемъ памятникѣ-очагѣ и, нанизавъ убитыхъ птицъ на гибкій пруть, изжарилъ ихъ надъ огнемъ. Синій

дымъ весело поднялся къ небу зыбкимъ столбомъ. Голодный Флореасъ наскоро съѣлъ свой скудный обѣдъ, запилъ водой изъ ручья...

Его сморило сномъ.

Флореасъ проснулся впотьмахъ, позднимъ вечеромъ. Ему очень не хотѣлось вставать съ земли, но онъ сдѣлалъ надъ собою усилие... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ поднималъ свою еще отягченную сномъ голову, онъ видѣлъ, какъ поднимается изъ праха поверженная колонна. Онъ бросился къ ней, — на ней не оставалось ни мхов, ни ракушекъ, ни плѣсени: блестящій и гладкій столбъ краснаго порфира, гордо увѣнчанный бѣломраморнымъ узоромъ капители. Флореасъ осязалъ воскресшую колонну, чувствовалъ ея холодъ... Десятки такихъ же колоннъ съ глухимъ рокотомъ выходили изъ-подъ земли, слагаясь въ длинные портики. Дымный и грязный очагъ превратился въ великолѣпный жертвенникъ. Костеръ Флореаса разгорѣлся на немъ съ такою силою, что розовое пламя, казалось, лизало своими острыми языками темное небо, и зарево играло на далекихъ скалахъ. Цвѣточные гирлянды змѣями взвивались невѣдомо откуда, прицѣплялись къ колоннамъ и, чуть качаемыя вѣтромъ, тепло и мягко обвѣвали Флореаса благоуханіями.

Молодой человекъ понялъ, что стоитъ у разгадки тайны, въ которую вовлекли его прошлою ночью невѣдомые звуки. А они, какъ нарочно, снова задрожали въ воздухѣ, но уже не рыдающіе, какъ вчера, а весело-торжествующіе. Ущелье сверкало тысячами огней, гудѣло праздничнымъ гуломъ тысячеголовой толпы. И голоса, и огни близились къ храму. Предъ изумленнымъ Флореасомъ медленно проходили важные сѣдобородые мужи въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, украшенные дубовыми вѣнками, и становились рядомъ налѣво отъ пылающаго жертвенника, а направо собирались рѣзвою толпою прекрасныя полуобнаженныя дѣвы. Ихъ тѣла были, какъ молоко. Флореасу казалось, что онѣ свѣтятся и прозрачны, какъ туманъ, летающій въ лунную ночь надъ водами Арно. Каждая потрясала дротикомъ или лукомъ; у иныхъ за плечами висѣли колчаны, полные стрѣлъ; многія сверхъ короткихъ, едва закрывавшихъ колѣна, туникъ были покрыты пестрыми шкурами звѣрей, неизвѣстныхъ Флореасу. Нѣмъ и неподвиженъ стоялъ оружейникъ въ широкомъ промежуткѣ между рядами таинственныхъ мужей и дѣвъ... Онъ начиналъ думать, что попалъ на шабашъ бѣсовъ, но никогда не предположилъ бы онъ, чтобы бѣсы могли быть такъ величавы и прекрасны. Новые огни, новые голоса наполнили храмъ. Девять женъ чудной красоты поднимались по мраморной лѣстницѣ, сплетаясь хороводомъ вокругъ мощнаго юноши, который сиялъ, какъ солнце, и блескъ, исходящій отъ его лица, затмѣвалъ блескъ лампадъ храма. Въ рукахъ юноши сверкала золотая лира, и со струнъ ея летѣли тѣ самые звуки, что приманили Флореаса. И мужи въ бѣлыхъ одеждахъ, и вооруженныя дѣвы упали въ прахъ предъ лицомъ юноши. Остался на ногахъ только Флореасъ, но его какъ будто никто не замѣчалъ въ странномъ сборищѣ, хотя стоялъ онъ ближе всѣхъ къ жертвенному огню. Юноша гордо сталъ предъ жертвенникомъ, опередивъ Флореаса, и, радостно простирая къ огню руки, воскликнулъ голосомъ, подобнымъ удару грома:

— Проснись, сестра! Твое царство возвратилось.

Радостно зазвенѣли золотыя струны его лиры, и онъ запѣлъ гимнъ, отъ котораго потряслись скалы, зашатались деревья въ ущельи и, какъ испуганныя очи, замигали звѣзды на небѣ. Онъ пѣлъ, а вокругъ него съ крикомъ неслись въ пляскѣ его прекрасныя спутницы. Мужи въ бѣлыхъ одеждахъ и вооруженныя дѣвы подхватили гимнъ. Схватившись за руки, они оплели жертвенникъ цѣлымъ рядомъ хороводовъ. У Флореаса кружилась голова отъ мельканія пляски, звенѣло въ ушахъ отъ пѣнія, вопля и грома лиры. Онъ позабылъ всѣ молитвы, какія зналъ, рука его не хотѣла подняться для крестнаго знаменія.

— Проснись, сестра! — звалъ юноша.

— Встань, царица! проснись, богиня! — вторила толпа...

Вооруженныя дѣвы выхватывали изъ колчановъ стрѣлы и проводили ими глу-бокія борозды на своихъ бѣлоснѣжныхъ челахъ. Кровь струями текла по ихъ ланитамъ, они собирали ее въ горсть и бросали капли въ жертвенный огонь...

Пламя раздвоилось, какъ широко распахнувшійся пологъ; надъ жертвенникомъ встало облако бѣлаго пара. Когда же оно порѣдѣло и тусклымъ свиткомъ уплыло изъ храма къ дальнимъ горамъ, на жертвенникѣ, между двухъ стѣнъ огня, осталась женщина, мертвенно-блѣдная, съ закрытыми глазами. Она была одѣта въ такую же короткую ту-нику, какъ и всѣ дѣвы храма, такъ же имѣла лукъ въ рукахъ и колчанъ за плечами, но была прекраснѣе всѣхъ; строгимъ холодомъ вѣяло отъ ея неподвижнаго лица. Мольбы, крики, пѣсни и пляски росли, какъ буря на морѣ, пламя сверкало, напрягая всю свою мощь, чтобы согрѣть и разбудить мертвую красавицу. Синія жилки, точно по мрамору, побѣжали подъ ея тонкою кожей; грудь дрогнула; губы покраснѣли и зашевелились... и, — съ глубокимъ вздохомъ, будто сбросивъ съ плечъ тяжесть надгробнаго памятника, — она пробудилась отъ сна. Оглушительный вопль привѣтствовалъ ее... Всѣ упали ницъ; даже юноша съ золотою лирою склонилъ свою прекрасную голову. Огонь на жертвен-никѣ угасъ самъ собою, а надъ челомъ красавицы вспыхнулъ яркій полумѣсяцъ. Онъ росъ и заострялъ свои рога, и въ свѣтѣ его купалось тѣло богини, точно въ расплавлен-номъ серебрѣ. Она водила по толпѣ огромными черными глазами, мрачными, какъ сама ночь, подъ бархатнымъ пухомъ длинныхъ рѣсницъ. Взглядъ ея встрѣтился съ взглядомъ Флореаса, и оружейникъ почувствовалъ, что она смотритъ ему прямо въ душу, и что не преклониться предъ нею и не обожать ея можетъ развѣ лишь тотъ, у кого вовсе не гнутся колѣна, у кого въ сердцѣ не осталось ни искры тепла, а въ жилахъ — ни капли крови. Кто-то далъ ему въ руки стрѣлу, и онъ, въ восторженномъ упоеніи, сдѣлалъ то же, что раньше дѣлали всѣ вокругъ: глубоко изранилъ ея остріемъ свой лобъ и, когда заструилась кровь, собралъ капли въ горсть и бросилъ къ ногамъ богини съ громкимъ воплемъ:

— Радуйся, царица!

И, въ отвѣтъ его воплю, среди внезапно воцарившейся тишины, раздался мощный голосъ, глухо и торжественно вѣщавшій медлительную рѣчь:

— Здравствуй, мой свѣтлый богъ и братъ, царь лиры и солнца! Здравствуйте, мои вѣрные спутницы и слуги! Здравствуй и ты, чужой юноша, будь желаннымъ гостемъ между нами. Семь вѣковъ прошло, какъ закатилось солнце боговъ, и я, владычица ночей, умерла, покинутая людьми, нашедшими себѣ новыхъ боговъ въ новой вѣрѣ. Здѣсь былъ мой храмъ — здѣсь стала моя могила. Вымерли мои слуги, прахомъ разсыпались мои ал-тари, сорными травами заросли мои храмы, жилище змѣй и скорпионовъ; мои кумиры стали забавою людей чужой вѣры. Жертвенный огонь не возгорался на моей могилѣ, я не обоняла сладкаго дыма всесожженій. Я спала въ землѣ, какъ спятъ человѣческіе тру-пы, какъ спите всѣ вы, мои спутницы и слуги; я — мертвая богиня побѣжденной вѣры, царица призраковъ и мертвецовъ! Юноша разбудилъ меня. Онъ пришелъ на таинствен-ный зовъ, онъ оживилъ мой храмъ и согрѣлъ огнемъ мой жертвенникъ. Клянусь отцомъ моимъ, спящимъ на вершинѣ Олимпа, — великъ его подвигъ и велика будетъ его награ-да. Николай Флореасъ! хочешь ли ты забыть міръ живыхъ и здѣсь въ пустынѣ стать по-лубогомъ среди забытыхъ боговъ? Хочешь ли ты свободно коротать съ нами веселыя и торжественныя ночи и въ вихряхъ носиться надъ землею, отъ льдинъ великаго моря блаженныхъ Гипербореевъ къ слонамъ и чернымъ пигмеямъ лѣсистой Африки? Хочешь ли ты назвать своимъ братомъ бога звуковъ и свѣта? Скажи: хочу! — отрекись отъ своего міра, и я отдамъ тебѣ свою любовь, которой не зналъ еще никто изъ боговъ и смертныхъ.

И небо, и земля молчали, и вѣтеръ не дышалъ, когда Флореасъ тихо отвѣтилъ:

— Хочу. Я твой рабъ, и жизнь моя принадлежитъ тебѣ. Пламенемъ вспыхнули очи богини, радостно дрогнули ея ноздри, громкій крикъ, похожій на охотничій призывъ, вырвался изъ ея груди. Она сошла съ жертвенника и, прямая и трепещущая, какъ стрѣла, только что сорвавшаяся съ тетивы, приблизилась къ Флореасу. Теплыя уста съ дыханіемъ, пропитаннымъ ароматомъ животворящей амброзіи коснулись его губъ; теплая рука обвила его шею и закрыла ему глаза. Флореасъ слышалъ, какъ богиня отдѣлила его отъ земли... какъ они медленно и плавно поднялись въ воздухъ, сырой и прохладный... Съ шумомъ, пѣснями и смѣхомъ, взвилась за ними вся толпа, наполнявшая храмъ; ея движеніе рождало въ воздухѣ волны, какъ въ морѣ... Богиня сняла руку съ глазъ Флореаса; онъ увидалъ себя на страшной высотѣ; огни храма меркли глубоко внизу. Закрывъ глаза, онъ почти безъ чувствъ склонился на плечо богини, пропитанное свѣтомъ осѣнявшаго ее полумѣсяца... Какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ охотничьи крики и свистъ вихря, помчавшаго воздушный поѣздъ въ безвѣстную даль. Волосы богини, подхваченные вѣтромъ, хлестали его по лицу.

— Не бойся! — слышалъ ея голосъ Флореасъ, - не бойся, супругъ мой. Тотъ, кого держу я въ своихъ объятіяхъ, не долженъ ничего бояться. Онъ сильнѣе природы, она его слуга...

Они мчались надъ широкими рѣками въ плоскихъ берегахъ, надъ темными городами съ стрѣлкообразными колокольнями, надъ тихо шепчущими маисовыми полями, изрѣзанными сѣтью мутныхъ каналовъ, надъ болотами, окутанными въ густую пелену опасныхъ тумановъ, направляясь на далекій сѣверъ къ неприступной стѣнѣ суровыхъ Альповъ. Снѣжная метель захватила поѣздъ, потащила его по узкимъ ущельямъ къ сверкающимъ льдинамъ глетчера и долго крутила по снѣжнымъ полямъ охоту богини. Стадо сернь пронеслось такъ далеко, что Флореасу оно показалось стадомъ какихъ-то рогатыхъ мышей. Но богиня бросила стрѣлу, и стадо рухнуло въ внезапно открывшуюся предъ нимъ бездну.

— Галло — э! добыча! добыча! — закричала богиня. И хохотомъ, и воплями отвѣчала ей дикая охота. Гремѣли рога, выли псы, звенѣла арфа прекраснаго, свѣтлаго бога. Они спускались къ тихимъ озерамъ, чтобы поражать проворныхъ выдръ, когда онѣ выныривали изъ-подъ воды, держа въ зубахъ карпа или щуку. Богиня опрокидывала постройки умныхъ бобровъ и, когда звѣрки темными пятнами ускользали въ разныя стороны, сыпала въ нихъ убійственныя стрѣлы. Потянулись лѣсистыя равнины Германіи. Лиственное море шумѣло и волновалось отъ вѣянія волшебнаго полета. Ноги Флореаса скользили по вершинамъ столѣтнихъ дубовъ. Мохнатые зубры, вѣтворогіе лоси, лани съ кроткими глазами, привлеченныя блескомъ полумѣсяца на челѣ великой охотницы, выбѣгали на лѣсныя прогалины и метались, оглашая ночную тишь мычаніемъ и бляніемъ. Имъ отвѣчали въ кустарникахъ голодные волки, испуганные медвѣди жалобно рыкали въ глубокихъ берлогахъ. Но стрѣлы богини падали, какъ дождь, и, когда поѣздъ дикой охоты улеталъ, ревъ и вой животныхъ смѣнялся зловѣщею тишиною кладбища. Запахъ крови поднимался отъ лѣса. Богиня жадно впивала его, раздувая ноздри, привычныя къ жертвеннымъ ароматамъ. Глаза ея сверкали, какъ у тигрицы, впускающей когти въ оленя. Она казалась двуногимъ звѣремъ, но звѣремъ сверхъестественнымъ, въ которомъ соединялись и самое возвышенное, и самое ужасное существа животнаго міра: звѣрь — самый хищный и самый красивый, самый кровожадный и САМЫЙ величественный, самый жестокий и самый обаятельный. Предъ нею надо было трепетать, но нельзя было не торговаться ею и не поработиться ей всей душой. Подъ обаяніемъ ея взгляда, Флореасъ кричалъ такъ же, какъ она, вмѣстѣ съ нею разсыпалъ смертоносныя стрѣлы, съ тѣмъ же наслажденіемъ впивалъ одуряющій запахъ потоковъ крови, обозначавшихъ ихъ страшный путь по сѣвернымъ лѣсамъ. Они мчались надъ Рейномъ, великою рѣкою чудесь.

Флореасъ видѣлъ, какъ въ его волнахъ сверкали золотые клады, хранимые лебедиными дѣвами, слышалъ, какъ грохотали водопады, какъ въ мѣдныхъ замкахъ храпѣли ихъ глупые властелины, свирѣпые великаны. Изъ щелей въ береговыхъ скалахъ выползали рудокопы-гномы и дивились дикой охотѣ, задирая головы до тѣхъ поръ, пока красныя шапочки сваливались съ макушекъ. Ушей Флореаса коснулся грозный шумъ морскаго прибоя. Морскіе валы рвались въ устье, побѣждая силу теченія рѣки великана. На сотни миль кругомъ кипѣло сѣдыми валами сѣверное море — угрюмое, холодное, съ бурюю водою подъ бѣлесоватымъ небомъ, море-врагъ, море — чудовище. Востокъ блѣднѣлъ, звѣзды меркли и уходили за водную равнину.

— Домой! домой! — звала богиня. Голосъ ея звучалъ рѣзко и печально, какъ голосъ ночной птицы, зачужавшей близость утра. У Флореаса заняло дыханіе отъ усиленной быстроты полета. Въ промежуткахъ головокруженія, онъ едва успѣлъ замѣтить, какъ длинною вереницею вились за поѣздомъ тѣни убитыхъ звѣрея. Но чѣмъ больше блѣлѣлъ востокъ, тѣмъ блѣднѣе становились эти тѣни; то одинъ, то другой призракъ изъ свиты богини исчезалъ, сливаясь съ утренними облаками; тише раздавались охотничьи крики и хохотъ, замолкъ звонъ золотой лиры, потускнѣлъ вѣнчавшій богиню полумѣсяцъ, и только она сама оставалась неизмѣнно прекрасною и сильною; такъ же мощно, но еще нѣжнѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ прежде, обнимала ея рука плечи Флореаса; то огнемъ восторженнаго возбужденія, то туманомъ нѣги покрывались ея обращенные къ нему глаза... Они опустились въ таинственный храмъ, откуда нѣсколько часовъ тому назадъ унесъ ихъ поѣздъ дикой охоты. Флореасъ былъ одинъ съ богинею — предъ ея опустѣлымъ жертвенникомъ-могилой. Безпокойнымъ взоромъ обвела она окрестныя вершины: въ сизыхъ облакахъ уже дрожали золото и румянецъ близкой зари... И Флореасъ въ послѣдній разъ услышалъ голосъ богини:

— Мой день конченъ... теперь — любовь и сонъ. Когда весь міръ спитъ, встаемъ и царствуемъ мы, старые, побѣжденные боги, и умираемъ, когда живете вы... Мой день конченъ... теперь — любовь и сонъ... Приди же ко мнѣ и будь моимъ господиномъ!..

Солнце роняло на землю отвѣсныя лучи полдня. Флореасъ въ задумчивомъ оцѣпенѣннѣ сидѣлъ среди безобразныхъ грудъ разрушеннаго храма. Онъ не разбиралъ, что было съ нимъ ночью: сонъ ли ясный, какъ дѣйствительность, или дѣйствительность, похожая на сонъ. Да и не хотѣлъ разбирать. Онъ понималъ одно: что судьба его рѣшена, что никогда уже не оторваться ему отъ этого пустыннаго мѣста, одарившаго его такими страшными и очаровательными тайнами... Если даже это были только грезы, то стоило забыть для нихъ весь міръ и жить въ нихъ однѣхъ. Только бы снова мчаться сквозь сумракъ ночи въ вихрѣ дикой охоты, припавъ головою къ плечу богини, и на разсвѣтѣ снова замирать въ ея объятіяхъ сномъ, полнымъ дивныхъ видѣній. А что миновавшая ночь вернется, даже тѣнь сомнѣнія не кралась въ восторженно смущенный умъ Флореаса.

Такъ, полный сладкихъ воспоминаній, въ близкомъ предчувствіи бурныхъ наслажденій новой ночи, сидѣлъ онъ и не замѣчалъ медленно текущаго жаркаго дня, оставивъ неподвижный взоръ на остатки жертвенника, гдѣ явилась вчера богиня.

И загадочныя буквы, растеряныя по обломкамъ разрушенной надписи, теперь открывали ему свой ясный смыслъ, — для него радостный смыслъ вѣрнаго обѣтованія;

Nic jacet Diana Dea Inter mortuos viva Inter vivos mortua.

"Здѣсь покоится богиня Діана, живая между мертвыми, мертвая между живыми".

Подмастерья Флореаса, добравшись до Пизы, рассказали, какъ таинственно пропала ихъ хозяйиня. Не только Камайоре, но и всѣ сосѣдніе городки приняли участіе въ поискахъ за безъ вѣсти исчезнувшимъ оружейникомъ, но ихъ трудъ былъ напрасенъ. Тогда судьи добраго города Камайоре рѣшили, что Флореасъ и не думалъ пропадать, а про-

сто его убили подмастерья и зарыли гдѣ нибудь въ пустынь. Бѣдняковъ бросили въ подземную темницу съ тѣмъ, чтобы, если Флореасъ не явится въ годовой срокъ со дня своего исчезновенія, повѣсить подозрѣваемыхъ убійць на каменной висѣлицѣ у городскихъ воротъ. Къ счастью для невинныхъ, незадолго до конца этого срока, синьоръ Авеллано де Віареджіо, гоняясь за дикимъ вепремъ, попалъ вмѣстѣ со всею своей свитой въ ту же труппу, что поглотила молодую жизнь Николая Флореаса. Пробираясь сквозь буреломъ, кустарники и скалы, охотники наткнулись на одичалаго человѣка въ рубищѣ, обросшаго волосами, съ когтями дикаго звѣря. Онъ бросился отъ людей, какъ отъ чумы; однако его догнали и схватили. Напрасно рычалъ онъ, боролся и кусался, напрасно хватался за каждый камень, за каждое дерево, когда понялъ, что ею хотятъ увлечь изъ пустыни. Дикаря привезли въ Віареджіо насильно остригли и вымыли, и знакомые съ ужасомъ узнали въ немъ Николая Флореаса.

Пріоръ нагорной обители босоногихъ капуциновъ въ Камайоре далъ пріютъ несчастному оружейнику въ кельѣ, приставивъ къ, нему двухъ дюжихъ служекъ. Но, въ первую же ночь стражи, караульщики убѣжали отъ кельи, перепуганные бурнымъ вихремъ и странными голосами: невѣдомо откуда налетѣли они въ монастырскую тишь и, то рыдая, то смѣясь, звали къ себѣ Флореаса. А онъ, между тѣмъ, безумно бился въ своей кельѣ, какъ птица въ клѣткѣ и отвѣчалъ на призывы незримыхъ друзей такими воплями, какъ будто съ него съ живого сдирали кожу. "Въ слѣдующую ночь самъ пріоръ былъ свидѣтелемъ этого чуда, противъ котораго оказались безсильными и заклинательныя молитвы, и святая вода. Тогда стало ясно, что Флореасъ чародѣй, и рѣшено было, пока не надѣлалъ онъ бѣды и соблазна христіанскому міру, сжечь его, во славу Божию, по законамъ страны и церковному уставу, огнемъ, на торговой площади добраго города Камайоре, въ праздникъ Святой Троицы, послѣ обѣдни. До самага праздника Святой Троицы жилъ Флореасъ въ монастырѣ, ночью буйствуя и пугая братію дьявольскимъ навожденіемъ, а днемъ тихій, кроткій и молчаливый. Онъ снова выучился понимать человѣческую рѣчь и изредка обмѣнивался словами со своими стражами. Когда ему объявили его участь, онъ равнодушно выслушалъ приговоръ и даже улыбнулся: такова была его вѣра въ могущество помогавшаго ему бѣса. Разумъ его навсегда былъ затемненъ, и монастырскому врачу, кроткому брату Эджиціо изъ Фіэзоле, удалось выпытать у грѣшника, какъ вступилъ онъ въ союзъ съ обольстившимъ его бѣсомъ, каковой расказъ Фра Эджиціо и записалъ смиренномудро въ монастырскій меморіаль на страхъ и поученіе всѣмъ добрымъ христіанамъ о коварныхъ козняхъ и обольщеніяхъ неустаннаго отца всякаго грѣха и лжи, вѣчно злодѣющаго сатаны. Совершивъ откровенное признаніе, колдунъ Флореасъ сталъ хирѣть и чахнуть и умеръ въ канунъ дня Святой Троицы, назначеннаго ему милосердіемъ властей, дабы онъ могъ очистить огненною смертию тяжкій грѣхъ союза съ адомъ, взятый имъ на свою душу. Но дьяволъ, коварный врагъ всякаго добраго начинанія, не допустилъ своей жертвы до спасительнаго костра и задушилъ Флореаса въ ночи, такъ что поутру стражи, пришедшіе за колдуномъ, нашли въ кельѣ только холодный трупъ его, который, по благому разсужденію пріора и городскихъ судей, былъ возложенъ на костеръ предъ очами благочестивыхъ гражданъ города Камайоре. Когда же тѣло колдуна обратилось въ пепель, внезапно, при тихой погодѣ и солнечномъ днѣ, налетѣлъ жестокій вихрь и, разметавъ костеръ, умчался въ горы, къ ужасу всѣхъ присутствующихъ господъ, дамъ и всякаго званія народа, которые не усомнились, что въ ономъ вихрѣ незримо прилеталъ за душою покойнаго Флореаса погубившій его своими обольщеніями дьяволъ".

ИЗМѢНА. Сицилійская легенда

(Посвящ. І.І. Ясьнскому).

Еще солнце и земля не родились, а Измѣна жила уже на свѣтѣ.

Дымною струей ползла она во мракѣ. хаоса, скрываясь отъ Духа Божьяго, когда Онъ благотворнымъ ураганомъ носился надъ буйнымъ смѣшеніемъ стихій.

Онъ мыслить, и мысль Его становилась мірами.

Огонь пробивалъ жаркими языками воду. Вода боролась съ огнемъ. Изъ паровъ рождались каменные громады. Облитыя рѣками расплавленных, металловъ, рушились онѣ въ невѣдомыя бездны и, таинственно повиснувъ въ еще безвоздушномъ просторѣ, покорно ждали, — когда творческое слово обратитъ ихъ въ яркія свѣтила.

"И былъ свѣтъ".

Первый день озарилъ небо небесъ: перевозданный престоль Творца и тьмы темъ ангеловъ, смиренно склоненныхъ предъ Нимъ.

А внизу, въ неизмѣримыхъ глубинахъ, трепетала и таяла побѣжденная тьма, волновалось и пѣнилось огненное море. Подобно островамъ, чернѣли въ немъ мертвыя, еще не зажженные солнца: какъ огромные киты, плавали вокругъ нихъ остовы будущихъ планетъ.

Величественный духъ стоялъ на земной скалѣ, любуясь, какъ пламенные волны разбивались у ногъ его снопами искръ и брызгами лавы.

Этотъ духъ былъ любимымъ созданиемъ Творца, ближайшимъ отраженіемъ Его свѣта. Когда Творецъ воззвалъ его изъ ничтожества, онъ заблесталъ, какъ тысяча солнць, и Создатель, довольный плодомъ своей мысли, сказалъ:

— Живи и будь вторымъ по мнѣ во вселенной!

Духъ былъ могучъ, свободенъ и счастливъ. На его глазахъ зиждились міры. Онъ былъ лучшимъ работникомъ, вѣрнѣйшимъ исполнителемъ и помощникомъ воли Творца. Величіе Владыки внушало ему благоговѣйный трепеть, а собственная сила и власть — радостное довольство.

Творецъ повелѣлъ духу летѣть на землю и вѣщимъ словомъ превратить голая скалы и черныя пропасти въ лучшій изъ міровъ.

Духъ спустился на планету, — и величіе открывшейся очамъ его огненной бездны очаровало его. Недвижно стоялъ онъ, испытывая взорами пестрые переливы паровъ и пламени, слушая грохотъ незримыхъ молотовъ, вылетавшій изъ огненной хляби.

Ревя и качаясь, поднялся надъ пучиною темнобагровый валь. Какъ языкъ въ колоколь, ударился онъ о кручу горы, гдѣ стоялъ могучій духъ, и разсыпался грудю угля и пепла. Тонкая струя смраданаго дыма протянулась снизу вверхъ, сквозь трещины гранита, подползла къ стопамъ духа и лизнула его колѣна.

Духъ затрепеталъ, внезапно полный невѣдомыхъ доселѣ чувствъ и мыслей. Онъ точно впервые увидалъ и міръ, и Бога, и самого себя. И все нашель онъ мрачнымъ и враждебнымъ, а свою долю — презрѣнною и безрадостною. Гордые мечты охватили его. Онъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, но ясно чувствовалъ, какъ любовь и благодарное самодовольство на вѣки уходятъ изъ его сердца, какъ, на мѣсто ихъ, громко стучатся властолюбивая зависть и гнѣвная ненависть.

Онъ былъ такъ смущенъ, что позабылъ ввѣренное ему вѣщее слово. Когда быстрыя крылья унесли его въ небо небесъ, печальная планета оставалась такою же нагою и скудною, огненное море такъ же бѣшено клокотало вокругъ нея, какъ прежде. А на вер-

шинѣ горы, покинутой омраченнымъ духомъ, легла тяжелая сѣрая туча, и въ ней, свернувшись, какъ змѣя, спала и ждала новой жертвы Измѣна.

И снова прилетѣлъ на землю могучій духъ, н другой духъ — такой же прекрасный и блистательный — былъ съ нимъ. Обнявшись, сидѣли они на камнѣ, и первый шепталъ:

— Азраиль! братъ, мой! другъ мой! товарищъ! Ввѣрю тебѣ мою тайну, ввѣрю тебѣ мою судьбу. Знай: я усталъ быть слугою, когда могу быть господиномъ. Я надѣленъ могуществомъ безъ границъ. Неужели оно дано мнѣ лишь для того, чтобы я рабски творилъ чужую волю, когда въ умѣ моемъ такъ много своихъ мыслей и желаній? Сила не можетъ быть обречена на жизнь себѣ наперекоръ. Гордость и могущество — родные братья. Я проклинаю свой жребій, я презираю себя, когда вспоминаю, что я — безвольное ничто: орудіе и только орудіе! — такое же, какъ вотъ эти пламенные волны и каменные глыбы, изъ которыхъ мы, служебные духи, извлекаемъ, сами не зная зачѣмъ, звѣзды, планеты и луны. Мы безсмертны, но меня приводитъ въ ужасъ мое безсмертіе... вѣчность безответной покорности и бессознательнаго труда! Если такъ сильно страдаю я — любимецъ Творца, больше всѣхъ духовъ неба посвященный въ Его тайны — что же должны чувствовать вы, безгласные духи низшихъ ступеней? Азраиль! я рѣшилъ сбросить съ плечъ тяготящее насъ иго. Будемъ братьями! замѣнимъ свободнымъ союзомъ дружбы невольный союзъ подчиненія. Насъ много; Повелитель — одинъ. Онъ могучъ, но развѣ Онъ не распредѣлилъ между нами большую часть своего могущества? Тысячи братьевъ общаются мнѣ помощь. Будь же и ты, другъ Азраиль, моимъ союзникомъ въ брани и побѣдѣ! И, — клянусь этимъ огненнымъ моремъ, — когда я стану главою вселенной, ты получишь въ обладаніе отдѣльный міръ, гдѣ будешь царемъ и богомъ. Слова измѣнника тронули Азраила. Онъ воскликнулъ:

— Ты правъ, Сатана. Пора намъ трудиться на самихъ себя и самимъ пожинать плоды и славу своихъ подвиговъ. Я твой и буду помогать тебѣ всею властью, какою неосторожно надѣлилъ меня Повелитель.

Сатана обнялъ друга и, сверкая одеждами, сотканными изъ молній, улетѣлъ съ земли. Азраиль же, глядя вслѣдъ ему, думалъ:

— Ты очень силенъ, Сатана; твои крылья покрываютъ полъ міра. Но Творецъ сильнѣе тебя: Онъ наполняетъ міръ. Твои замыслы — вздоръ. Ты погибнешь со всѣми своими соумышленниками. Не пойду за тобою, сколько бы міровъ ты мнѣ ни сулилъ. И я честолюбивъ, но знаю свои силы. Сатанѣ мало быть вторымъ въ мірѣ, съ меня же въ избыткѣ довольно. Что — если я припаду къ ступенямъ трона Творца и расскажу Ему о проискахъ, быть можетъ, успѣвшихъ укрыться отъ Его всевѣдѣнія? Какъ знать? Не отдастъ ли Онъ мнѣ, въ награду за услугу, всю власть и милость, которыми облеченъ Сатана?..

Грозною тучей падалъ съ небесъ предводитель мятежныхъ духовъ — черный, какъ уголь, отъ опалившихъ его громовъ. Онъ падалъ внизъ головой, и пылающіе волосы его висѣли, качаемые вихремъ, какъ хвостъ заблудившейся въ небѣ кометы. Онъ падалъ — и смотрѣлъ въ небо, но не для того, чтобы послать послѣднее "прости" обителю мира, отнынѣ потерянной для него безъ надежды и возможности прощенія. Мрачно пробѣгая взоромъ ряды торжествующихъ ангеловъ, онъ еще грозилъ, еще проклиналъ. И — вотъ — въ этихъ свѣтлыхъ рядахъ онъ увидалъ Азраила: того, кому, какъ другу и товарищу, повѣдалъ онъ свою тайну; кто лицемѣрно славословилъ его замыселъ, отдавалъ въ его распоряженіе свою власть волю, и... предалъ его, вмѣстѣ съ сонмами увлеченныхъ Сатаною и теперь, какъ онъ, проклятыхъ духовъ!

Увидалъ — и уже не отводилъ взора. Черезъ тысячи тысячъ миль почувствовалъ Азраиль этотъ взоръ на своемъ лицѣ. Его щеки, поблекли и выцвѣли, сожженные презрѣніемъ обманутаго друга. Тщетно хотѣлъ онъ бѣжать; крылья безсильно, какъ под-